

Воистину – рукописи не горят! В начале 90-х для областного радио я записывала воспоминания старожительницы Углича Марии Николаевны ЧЕРЕМОВСКОЙ. Она рассказывала о том, как еще маленькой девочкой видела Федора Ивановича ШАЛЯПИНА – великого русского оперного певца, который первым получил мировое признание. Интервью получилось весьма интересным, его даже занести в «Золотой фонд», а о том, что Мария Николаевна в конце встречи отдала мне свои рукописные «заготовки», я забыла. И вот, на днях, разбирая свой архив, я внезапно наткнулась на эти пожелтевшие от времени листочки и несказанно обрадовалась, словно жизнь подарила мне еще одну встречу с этой удивительной женщиной.

В начале апреля со дня смерти Федора ШАЛЯПИНА исполнится 65 лет. В Год культуры в России, несомненно, будут вспоминать это имя. Вспомним и мы благодаря Марии Николаевне ЧЕРЕМОВСКОЙ.

«Когда мне было восемь лет, наша семья жила в селе Песочное, в 20 верстах ниже

города Рыбинска, на правом берегу реки Волги, где находилась фарфорофаянсовая фабрика Матвея Сидоровича КУЗНЕЦОВА «Кузнецовский фарфор».

Мой папа – Николай Иванович ЧЕРЕМОВСКИЙ – служил начальником почтово-телеграфной конторы, которая в дальнейшем будет называться просто почтой. Почта помещалась в большом деревянном доме, где для конторы была отведена большая комната в пять больших окон. Наша квартира была отделена от почты легкой бревенчатой стеной. Благодаря этому в ней почти свободно слышался громкий разговор или шум, которые происходили на почте.

На Левом берегу Волги, напротив фабрики, находилось имение директора Императорских театров Владимира Аркадьевича ТЕЛЯКОВСКОГО, которое называлось «Отрадное». В это имение каждое лето приезжал отдыхать великий русский певец-артист Федор Иванович ШАЛЯПИН. Приезжал он обычно во время сенокоса, который очень любил и принимал в нем самое горячее участие. В высоких сапогах, в деревенской рубахе он владел косой не хуже заправского мужика-крестьянина. Вязал возы с сеном, подкладывал в костер сушняк, на котором варилась общественная гречневая каша.

- Когда я бываю в деревне на сенокосе, - говорил он, черпая деревянной ложкой кашу, пахнущую дымом, - то как никогда люблю свою родину, люблю русских мужиков, их тяжелый труд, суровую жизнь. И сам становлюсь на время таким же «русским мужиком».

На берегу Волги, в Отрадном, стояла красивая беседка, в которой любил отдыхать Федор Иванович. Он любовался красивой рекой, безбрежными полями, красотой русских лесов. Но не одной природой любовался ШАЛЯПИН. Он любил и русскую песню. На фабрике Кузнецова существовал хор из рабочих. После 12-ти часового изнурительного рабочего дня они выходили на берег реки и пели русские песни. ШАЛЯПИН, будучи на другом берегу Волги около беседки, начинал первый, а на правом берегу хор подхватывал. Так велик и силен был голос великого певца. Любимой песней рабочих была «Дубинушка». «Много песен слышал я в родной стороне, в них про радость, про горе мне пели, но из песен одна в память врезалась мне – это песня рабочей артели» словно несло по волнам...

Вскоре по приезде в Отрадное Ф.И. ШАЛЯПИНА мой папа стал замечать, что певец стал

все чаще и чаще посещать почту. Входя на почту, он так обращался к моему отцу: «Здравствуйте, почтмейстер, нет ли мне телеграммы? А она должна мне быть обязательно». «Нет, пока Вам никакой телеграммы не было. А что будет, сообщу немедленно», - отвечал мой папа. Однажды отец пришел домой с почты такой веселый, смеющийся и сказал, что на имя Ф.И. ШАЛЯПИНА пришла не совсем обычная телеграмма, и что он уже отправил перевозчика Семена в Отрадное. Так что ШАЛЯПИН скоро должен быть на почте. Ведь в то время телефонов в провинции не было, а через Волгу переезжали на лодках.

Через 5-10 минут на почте раздался сильный, почти громовой хохот. Мы все очень испугались, думая, что что-то случилось у папы, и поспешили к нему на почту. Придя туда, мы увидели следующее: посреди комнаты стоял человек высокого роста, крупного красивого телосложения, в русской вышитой рубашке, белых брюках и серых туфлях. В могучей руке он держал телеграмму. Это был Федор Иванович ШАЛЯПИН. Он так громко и могуче смеялся, что в оконных рамах дребезжали стекла, а на потолке качалась подвешенная керосиновая лампа. «Сын! Дочь! Двойня! Ха-ха-ха!» Громким и красивым голосом повторял он. Это был смех радости счастливого отца, любви и какой-то беспредельной гордости. Так мог смеяться только Ф.И. ШАЛЯПИН.

После мы узнали, что его жена, бывшая балерина, родила ему сына, которого называли тоже Федором, и дочь Татьяну. Так встретил известие о рождении своих двух детей Федор Иванович ШАЛЯПИН».

Нина БЛОХИНА

"Угличанин" №11 (364) от 26.03.2014 года

{loadposition yandex-кнопка}{jcomments on}